

Психология сознания

ПСИХОЛОГИЯ В КОНТУРАХ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ.

Прологомены к учебнику для аспирантов

(Часть 1)

© **Аллахвердов В.М.**

Д.пс.н., профессор, кафедра общей психологии,
факультет психологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия

vimiial@gmail.com

Вступление

Наука начинается с удивления, с осознания невероятности, абсурда, когда какие-либо неожиданные явления или не вызывающие сомнения опытные данные противоречат другому не менее надежному знанию (накопленному опыту, логике, установленным законам и т.д.). Ученый поступает как детектив, как Шерлок Холмс – он обнаруживает абсурд в самых очевидных вещах, воспринимает его как загадку, как проблему, которую следует разрешить, сделать, иначе говоря, «абсурдосмысленным». Вспомните: у сэра Баскервиля в гостинице украли ботинок. Холмс, в отличие от доктора Ватсона и большинства читателей, сразу видит в этом абсурд: почему только один? Казалось бы, если уж красть, так оба. Холмс находит причину, при наличии которой ситуация становится осмысленной: одного ботинка достаточно, чтобы собака по запаху нашла его владельца.

Самое трудное – чему труднее всего научить – это умение увидеть загадку, ощутить прикосновение к тайне. А ведь мир вокруг нас полон тайн. Мы ходим, разговариваем, варим варенье, даже спим, не имея ни малейшего представления, как и почему мы умеем это делать. На большинство вопросов об устройстве мира и природе человека никто не знает ответов. Тем не менее, каждому кажется, что все в мире более-менее понятно и определено. Маленькие

дети и первобытные дикари вообще уверены, что они и так уже знают всё или почти всё. Современные взрослые знают, что они многого не знают, но верят, что знают почти всё, что им нужно.

К.Г. Юнг однажды сказал, что каждый мыслящий человек выхватывает свой собственный фрагмент мира и сооружает для него «собственную частную же систему, зачастую с герметическими стенами», так что через какое-то время ему начинает казаться, что он познал смысл и структуру всего мира. Сознание не осознает своих границ. Глухой от рождения человек не способен непосредственно осознавать свою глухоту, потому что он живет в беззвучном мире и не в состоянии непосредственно переживать, что он не слышит звуков, – в своем опыте он же не сталкивался со звуками. Такому человеку может быть известно, что он не обладает слухом, которым обладают другие люди, но он не представляет себе, что это значит – слышать.

Нет и людей, которые бы непосредственно переживали свою глупость как присущую самому себе характеристику, ибо для оценки границ своих собственных интеллектуальных возможностей надо обладать превосходящим эти возможности интеллектом, что, разумеется, никому не дано. Вот нас и радует шутка М. Монтеня: «из всех богатств на земле Бог лучше всего распределил ум, ибо никто не жалуется

на его недостаток». Впрочем, подобное говорили и Р. Декарт, и Б. Паскаль, и многие другие.

Сократ, признанный дельфийским оракулом самым умным, уверял, что он знает только то, что ничего не знает. Древние греки верили дельфийскому оракулу. Но, задумались они, если самый умный ничего не знает, то что же тогда знаем мы? Он издевается над нами, решили греки (еще не подозревавшие, что они древние), ведь мы-то знаем, что многое знаем, и под благовидным предлогом приговорили Сократа к смерти.

Данное каждому гордое ощущение, что он знает достаточно и обо всем значимом для себя может судить, часто даже помогает достичь успехов на почти любом поприще – в бизнесе, кулинарии, спорте, политике, сборе грибов, вождении автомобиля, но не в науке. Для широко раскрытых глаз ученого мир, наоборот, странен и загадочен.

Ученый живет без уверенности во всем, что он знает. Он понимает, что пройдет время (годы или века), и его знание будет заменено на другой, более совершенный взгляд на мир. По мнению Б. Рассела, достоинство философии состоит в том, что она видит проблемы там, где все кажется простым, а заканчивает тем, что существовавшую вначале неясную уверенность заменяет ясным сомнением.

Однако именно наука – самое надежное знание, пусть даже всегда изменяющееся. Зато, какой простор остается для действий – сколько тайн еще не разгадано! А эмоциональное потрясение, получаемое ученым, когда ему удается разгадать какую-нибудь тайну, ощущается как ни с чем несравнимое счастье. А. Эйнштейн уподобляет переживание открытия религиозному экстазу или влюбленности. Правда, это потрясение приходит редко и не ко всем. Подлинную науку, утверждал Эйнштейн, делают те немногие, для которых природа полна тайн, и они тратят всю свою жизнь на то, чтобы снять с них покров.

Ученый вправе надеяться, что в результате его усилий люди будут лучше понимать мир и предназначение человека в этом мире. А значит, и жизнь в этом мире станет лучше. Однако

вряд ли стоит рассчитывать на то, что научная деятельность принесет богатство или славу. Э. Галуа – создатель новой алгебры, погибший в 20 лет на дуэли, – получил признание как одного из величайших математиков только через несколько десятилетий после смерти. До этого он дважды проваливал экзамен по математике при поступлении в Политехническую школу. В первый раз на экзамене решил задачу таким способом, что экзаменатор его не понял. Через год на устном экзамене, оказавшись в той же ситуации, в отчаянии швырнул в экзаменатора тряпкой и ушел. Г. Мендель – основатель генетики – трижды провалил экзамен по биологии при попытке получить диплом преподавателя, а о его работе вспомнили только через 35 лет после публикации и через 16 лет после его смерти.

Даже выдающиеся современники часто не слишком лестно отзывались о гениальных первооткрывателях. Так, например, великий религиозный реформатор Мартин Лютер писал о Копернике: «этот дурак хочет перевернуть вверх дном всю астрономию». Известный публицист и смелый революционер-демократ Н. Г. Чернышевский пишет в письме к сыну о создателе неэвклидовой геометрии Н. И. Лобачевском: «смех и срам серьезно говорить о вздоре, который написан круглым дураком, над которым смеется вся Казань».

Вы все еще хотите посвятить себя науке? Вы готовы к этому? Вы готовы сделать научную работу не профессией, а главной жизненной ценностью? Тогда это написано для вас.

Допустим, вам повезло, и вы заметили проблему. А как ее решать? Как устранить возникшее противоречие? Иногда удается так его переформулировать, что противоречие исчезает. Однако чаще требуется иное – придумать гипотезу о непосредственно ненаблюдаемой причине, недоучет которой и приводит к этому противоречию. Вот известный пример, с которого, по сути, началась современная наука. Аристотель на основании наблюдений сформу-

лировал закон: тяжелые тела всегда падают на землю быстрее легких.

Любые опыты, весьма точные для своего времени, этот закон подтверждали. «Однако, – рассуждал Галилей, – закон Аристотеля о падении тел ведет к противоречию». Что должно произойти, если оба тела связать вместе? С одной стороны, связка стала тяжелее, а потому она будет падать быстрее, чем одно тяжелое тело. Но с другой – более легкое тело должно замедлять падение тяжелого, и поэтому вся связка должна падать медленнее. Противоречие разрешается, если тела падают с одинаковой скоростью. Но в реальности тяжелые тела всегда падают быстрее!

Галилей формулирует причину этого – силу сопротивления среды. Чем больше сила тяжести тела, тем легче оно преодолевает силу сопротивления среды. Поэтому тяжелые тела падают быстрее легких. Заметьте, когда вы находите логичное разрешение противоречия, то еще до проверочного опыта можете оценить, действительно ли гипотетическая причина решает проблему. Разумеется, мало придумать причину, надо еще доказать, что она действительно существует и проявляется в опыте. Логичность найденного решения еще не доказывает, что оно верно. «Если я рассуждаю логично, это значит только то, что я не сумасшедший, но вовсе не доказывает, что я прав», – писал И.П. Павлов

Галилей – великий экспериментатор – нашел способ проверить свою идею и получил блестящее экспериментальное подтверждение. Однако его объяснение ведет к настолько невероятному следствию, что все, кто тогда пошел бы путем Галилея, скорее всего, бросили бы это занятие.

Раз сопротивление среды тормозит движущиеся тела, то брошенный камень так, чтобы он скользил по земле, быстро остановится. Уменьшим сопротивление среды – бросим камень по гладкому льду – он продвинется дальше. Если предположить, что сопротивление среды доведено до нуля, то камень должен будет двигаться без остановки. Но это же бессмыслица! Всегда считалось само собой раз-

меющимся, что причина движения тел – приложенная к ним сила. Оказывается – Галилей формулирует принцип инерции – тела могут двигаться прямолинейно и равномерно сами по себе без приложения силы, а вот останавливаются они из-за действия силы сопротивления среды. Принцип инерции был настолько неожиданным, что побудил кардинально переосмотреть всю картину мира, с этого и началась современная физика.

А как обстоят дела с проблемами в психологии? Психология – наука достаточно молодая. Само слово «психология» впервые встречается в названии книги «*Psichologia de ratione animae humanae*» отца хорватского ренессанса Марко Марулича. Правда, эту книгу никто из ныне живущих не видел. Она упомянута между изданиями 1510 и 1517 гг. в библиографии трудов Марулича. Предполагается, что написана она где-то между этими датами. Тем самым слову «психология» около 500 лет. Статус самостоятельной науки ей в первой половине XVIII в. пытался придать философ Х. Вольф, который, что важно, разделил психологию на эмпирическую («о том, что мы узнаем о душе *a posteriori*», т.е. после получения опытного знания) и рациональную (теоретическую, «в которой выявляются основания того, что было узнано о душе в эмпирической части»).

Считается, тем не менее, что реально как наука психология существует всего около 150 лет. Обычно с ее возникновением связывают три даты: 1860 г. – появление книги Г.Т. Фехнера «Элементы психофизики», соединившей математику и экспериментальную психологию; 1879 г. – создание В. Вундтом первой психологической организации – лаборатории экспериментальной психологии; 1892 г. – первое профессиональное объединение психологов в Американскую психологическую ассоциацию. Впрочем, хотя психология имеет краткую историю, у нее длинное прошлое (часто цитируемый афоризм Г. Эббингауза).

Уже на рассвете человечества, задолго до появления психологической науки, лучшие

умы размышляли над неразрешимыми психологическими головоломками. Их решения безуспешно искали в течение нескольких тысячелетий. Три взаимосвязанных проблемы, до сих пор не поддающихся решению, настолько волновали ученых разных эпох, что их признали вечными...

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВЕЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

1.1. Онтологическая проблема, или проблема возникновения сознания

Онтологическую проблему в более узком смысле называют *психофизической проблемой* как проблему соотношения души и тела, а в еще более узком – *психофизиологической проблемой*.

Мудрецы давно задумались над самой общей из всех разновидностей онтологической проблемы: откуда появилось то, что существует? Оно происходит из небытия? Это предположение невероятно: из ничего вроде бы ничего не может происходить. Тогда откуда все взялось? Любое решение не может быть окончательным. Что бы ни было названо началом всего, всегда можно спросить, как это исходное начало возникло.

Более конкретный вариант онтологической проблемы стоит и перед исследователями сознания. Откуда возникло сознание? Из чего-то материального? Но как вообще материя способна начать думать? – вопрошал в XIX в. великий физиолог Э. Дюбуа-Реймон. И ответил знаменитым «*Ignoramus et ignorabimus*» («не знаем и никогда не узнаем»). Не очень обнадеживающий ответ. Но практически об этом же через сто лет напишет великий физик Ю. Вигнер: мы не имеем даже смутной идеи о том, как связать физико-химические процессы с состоянием разума.

Мы не умеем осознавать процесс создания осознаваемого; то, что мы осознаем (мысли, чувства и пр.), всегда присутствует в нашем сознании в уже готовом виде. Мы не знаем, откуда к нам приходят в голову мысли, которых

раньше у нас не было. Человек способен дать себе отчет лишь в том, что именно он осознает, но не может объяснить переход от одних своих мыслей к другим. Осознаваемые представления, по мнению В.Вундта, явно возникают из чего-то непонятного, из каких-то «неизвестных глубин разума».

Люди не совсем точно выражают мысль, когда говорят: я думаю. Правильнее было бы сказать: «мне думается», так как сам акт думания происходит так, как происходит, независимо от желания думающего. При всем своем старании человек не может не думать или думать иначе, чем ему думается. Но хоть человек и не знает, откуда к нему пришли его мысли и переживания, мы, тем не менее, приписываем именно себе собственные мысли, хотя и не можем этого доказать. Сомнение в авторстве собственных мыслей ведет в патологию. Наши мысли – в силу своей самоочевидности – остаются для нас самой достоверной вещью на свете.

Неосознаваемая детерминация мышления логически неизбежна: для того, чтобы мыслить, человек должен уметь мыслить еще до начала процесса мышления. Осознается только течение собственных мыслей, а не причины, которые этими мыслями управляют. У. Джеймс обратил внимание на то, что утром с постели мы встаем чаще всего вообще без всякой внутренней борьбы или принятия решения. «Мы неожиданно обнаруживаем, что уже встали. Происходит какой-то удачный провал сознания» – пишет У. Джеймс.

О бессознательных умозаключениях говорили Г. Гельмгольц. Эта логика подтверждается в экспериментах. В вюрцбургской школе доказали существование неосознаваемой детерминирующей тенденции, влияющей на процесс мышления. Подводя итог многочисленным психологическим экспериментам Э. Аронсон, отмечает: «Мы хорошо осознаем конечный результат мыслительного процесса, но не в состоянии понять путь, который привел к этому результату».

Вот несколько примеров исследований. Н. Майер подвесил две длинные верёвки к потолку лаборатории. Верёвки находились так дале-

ко друг от друга, что, держа в руке конец одной из них, нельзя было ухватить другую. Испытуемые должны были предложить разные способы связать вместе концы двух веревок.

Они находили разные решения (например, протянуть одну из веревок как можно ближе к другой и привязать её конец к какому-то предмету, например к стулу, а потом подтянуть вторую верёвку). Но идея раскачать одну верёвку как маятник и потом ухватиться за другую – пришла на ум всего нескольким участникам эксперимента. Остальные никак не могли до этого додуматься. Майер давал им десять минут на размышления, затем сам шёл через комнату к окну и будто бы случайно задевал одну из веревок, заставляя её раскачиваться.

Почти сразу после этого (как правило, в течение 45 секунд) испытуемые находили это решение. Но когда Н. Майер просил их описать, как они догадались, только один человек заметил, что на него повлияло раскачивание веревки самим Н. Майером. Они говорили: «Меня просто осенило»; «Ничего другого не оставалось»; «Я просто понял, что, если привязать к верёвке груз, она будет раскачиваться, как маятник». «Возможно, я вспомнил кое-что из уроков физики» и т.д.

Р. Нисбетт и Т. Уилсон предлагали покупателям в торговых центрах под видом маркетингового опроса выбрать лучшую модель из предлагаемого набора (четыре пары идентичных нейлоновых чулок), а потом объяснить свой выбор. Крайний справа товар в ряду выбирался в 4 раза чаще, чем крайний слева. Но ни один из участников опроса, говоря о причинах выбора, не упомянул о месте товара в ряду. Когда их прямо спрашивали, не повлияло ли на их выбор местоположение товара, все отрицали такую возможность.

Многочисленные исследования продемонстрировали эффект неосознаваемого прайминга. Предъявляется стимул (прайм), который испытуемый не способен осознать (за счет кратковременности предъявления, сильной маскировки и т. п.). Затем уже на осознанном уровне предъявляется с задачей опознания тот же стимул или другой стимул, семантически с

ним связанный. Испытуемые убеждены, что им до этого ничего не предьявлялось. Однако при наличии прайма принятие правильного решения обычно происходит быстрее, чем в случае его отсутствия.

Сократ в пересказе Платона сформулировал парадокс: как люди могут искать новое знание, ведь если они знают, что ищут, то это не новое, а если не знают, то что ищут?

Поэт, например, иногда часами ищет слово для своего стихотворения. Если он заранее знал, какое слово ищет, то незачем было долго искать. А если не знал, то, как он узнает, что нашел именно то, что искал? Платон предложил решение: человек заранее все знает и только вспоминает то, что уже знает. Смелая, но все-таки странная идея. Если человек заранее все знает, то тогда непонятно, зачем ему надо вспоминать и почему он не может сразу всё вспомнить. Древние греки ведь почему-то не вспомнили ни принцип инерции, ни законы генетики, ни технику живописи импрессионистов.

Часто предполагают: это мозг отвечает за появление осознанных представлений. Однако никто не способен ощутить, как по его нервным путям идут импульсы или как они обрабатываются в коре головного мозга. И уж абсолютно загадочно, как физические и химические процессы в мозге могут порождать субъективные переживания. «Это так же необъяснимо, как появление джинна при натирании Аладдином своей лампы» (Т. Гексли). Ведь у этих процессов самих по себе нет и быть не может субъективных переживаний. Объяснить осознанность как продукт работы мозга все равно, что пытаться «объяснить этику из манной каши» (К. Макгинн). Если представить, что мозг увеличился до размеров целого здания так, чтобы по нему можно было прогуливаться, – писал Г. Лейбниц, – то и при этом никто бы не смог увидеть в этом здании мыслей».

Большинство ученых психологов разделяет точку зрения, что физиологические процессы тесно связаны с психологическими. Однако природа и направленность этой связи далеко не всегда может быть установлена. Воздействие

физиологических процессов на сознание всем хорошо известно.

Один из самых известных и часто описываемых случаев такого влияния произошел 13 сентября 1848 г. В результате взрыва голову железнодорожника Гейджа пробил насквозь метровый стержень для подбивки шпал, сильно повредив головной мозг. Гейдж выжил, но настолько изменился, что друзья говорили «он больше не Гейдж». Повреждение головного мозга изменило личность! Из уравновешенного, делового и достаточно умного человека, он превратился в грубого, капризного и нерешительного ребенка. Стал выступать в цирке, давая зрителям возможность рассматривать окружающее сквозь дырку в его голове. Повреждение мозга привело к изменению личности.

Однако хорошо известно и воздействие сознательного опыта на физиологические процессы. Еще древнеримский врач Гален наблюдал резкое изменение пульса женщины, когда при ней произнесли имя ее возлюбленного. От важности психологического настроения на достижение успеха дружно говорят педагоги, врачи, военные, спортивные тренеры. Есть много историй о спортсменах, получивших травму во время соревнований, но которые до конца этих соревнований не замечают, что они травмированы и не чувствуют боли. Показано, как в разных психических состояниях изменяются процессы в железах и внутренних органах. В гипнозе путем словесных внушений можно вызвать остановку кровотечения, можно внушить укус комара, имитировав его легким прикосновением карандаша, – и через 2–3 минуты в месте укуса ощущается зуд и появляется волдырь. Не карандаш же его вызывает! Боль может сниматься при приеме нейтральных химических препаратов, если больной уверен, что ему дали лекарство, снижающее боль (эффект плацебо).

Экспериментальный пример: Испытуемым после адаптации к темноте через каждые 10 мин делался засвет глаза. Выработался условный рефлекс – через каждые 10 мин. менялась электрочувствительность глаза. Однако стоило испытуемых предупредить: «Сегодня засвета

не будет, можете к нему не готовиться» – изменение чувствительности не происходило. Хотя сознательно изменить электрочувствительность глаза никто не может, но ведь именно осознание ситуации меняет чувствительность.

И совсем неожиданное. Физиологи обнаружили, что гиппокамп (часть лимбической системы головного мозга) играет важную роль в навигации и запоминании мест и маршрутов. Исследование, проведенное в 2003 г., показало, что задняя часть гиппокампа у лондонских таксистов больше, чем у большинства людей. И величина этой части тем больше, чем дольше человек работал таксистом. Накопленный сознательный опыт повлиял на размер отдела мозга!?

У исследователей и сегодня нет хороших идей о причинах возникновения сознательного опыта. Они просто констатируют наличие провала в объяснении. Но пока нет понимания того, как физиологический процесс трансформируется в субъективный, физиологическое объяснение явлений сознания невозможно. Как правило, опираясь на экспериментальные результаты, нельзя утверждать, что какие-либо психические явления таковы, потому что таковы физиологические процессы. Часто с равным успехом можно сказать, что физиологические процессы таковы, потому что они предназначены обеспечить именно эти психические явления.

В психологии разные подходы (школы) во многом отличаются друг от друга как раз тем, на что они опираются, пытаясь объяснить явление сознания и его природу. Что если, например, объяснить сознание, как реакцию на непосредственное воздействие физического мира? Тогда физиологические механизмы могут рассматриваться как автомат, транслирующий путем тех или иных математических преобразований поступающую информацию в сознание (эта идея восходит к И. Гербарту и развивается в нескольких школах: от психофизики Г.Т. Фехнера до когнитивной психологии). Однако все равно остается непонятным, зачем сознание понадобилось и как именно возникло.

Компьютер тоже прекрасно перерабатывает информацию и для этого не требуется, чтобы он что-то осознавал. Загадочно также, зачем сознание совершает ошибки, если автомат их не совершает. А как в сознании появляются идеи, которые не могли быть вызваны поступающей информацией, – об иррациональных числах, об остановке Солнца Иисусом Навином, о правилах игры в снукер, о разделении улицы на четную и нечетную стороны (идея Наполеона), да даже о существовании психики и сознания? В этом подходе получены уникальные результаты, но сознание все-таки остается загадкой.

Многие исследователи пытались объяснить возникновение сознания из биологических соображений (от функционалистов до эволюционной психологии). По-видимому, «перволюди» находились перед угрозой вымирания, у них не хватало «животных» средств, чтобы выжить, и они спаслись, создав сознание. Однако такое представление тоже весьма странно. Если им не хватало «животных» средств, то они должны были вымереть, а не породить сознание. Как они смогли создать то, чего у них не было? Ведь, например, если человек падает с горы, и ему, чтобы удержаться, не хватает двух рук, то он разобьется, но не отрастит третью руку.

Может, сознание возникло в результате социальных взаимодействий (интеракционизм, культурно-историческая школа)? Но тогда получается, что социальные процессы возникают в бессознательном состоянии. А если наши древние предки в бессознательном состоянии смогли создать неведомые в животном мире социальные отношения, смогли начать вместе трудиться, а то и беседовать друг с другом, то совершенно непонятно, зачем им тогда потребовалось сознание. И как, собственно, они смогли его создать? Разумеется, социальные процессы оказывают огромное влияние на сознание, но вряд ли могут его породить.

А что если сознание не сводимая ни к чему сущность? В конце концов, химики не задавались вопросом, откуда произошло вещество, но разложили его на элементы и получили периодический закон. Может, стоит тоже разложить

сознание на элементы и построить «химию души» (В. Вундт и структурализм)? Однако, чтобы разложить сознание на элементы, надо эти элементы определить. Что это – сенсорные качества (свет, цвет, громкость, давление и т.п.)? Сколько их?

Структуралист Э. Титченер был единственным, кто уверял, что знает ответ: сознание состоит из известных ему 44 тысяч сенсорных элементов. Уже многовато, чтобы найти закон. Кроме того, неясно, насколько можно доверять правильности понимания и тем более словесному выражению своих переживаний и чувств. Ведь, как уже говорилось, человек часто неправильно осознает путь, который приводит его к тем или иным мыслям.

Наблюдение человека за своими субъективными переживаниями О. Конт сравнивал с человеком, «который в окно пытается увидеть себя, идущим по улице». А ведь есть еще, например, намерения, не сводимые непосредственно к сенсорным качествам. Вундт зря не поверил И. Канту, что «невозможно расчленить многообразие внутреннего опыта на обособленные элементы». В итоге в школе Вундта удалось обнаружить несколько ярких и неожиданных явлений, но природа сознания осталась тайной.

Можно ли понять природу сознания, изучая случаи отклонения его работы от нормы (французская школа – Т. Рибо, П. Жане и др.)? Психологи этой школы рассматривали болезнь как естественный эксперимент, поставленный природой. Они накопили колоссальный объем неожиданных наблюдений, удивляющих и даже сбивающих с толку неподготовленных читателей. Однако если неизвестно, что сознание делает в норме, то нарушения помочь не смогут. Нельзя понять, что такое нормальная работа сознания, изучая сбои в его работе. Лишь зная норму, можно понять нарушения, но не наоборот. Так, если бы какому-нибудь великому физическому прошлому дали грудку испорченных мобильных телефонов, он, не зная принципа их работы, не смог бы догадаться, как эти телефоны работают в исправном состоянии и каково их предназначение. А потому не смог бы по-

нять, что именно сломалось. А организм, наделенный сознанием, явно посложнее будет.

Психоанализ решил: раз сознание порождается бессознательным, то именно в бессознательном надо искать причины любых поступков человека, в том числе и нарушений его сознания. Но как возникает само бессознательное? Ответ З. Фрейда выглядит неожиданным: истинное бессознательное – это вытесненная из сознания нежелательная информация.

Замечательный круг: бессознательное порождает сознание, а оно, в свою очередь, порождает бессознательное. Вытеснение выгодно для сознания, поскольку минимизирует негативные переживания. Но оно же может привести к серьезным психическим нарушениям. А если ввести вытесненную информацию в сознание, то вдруг происходит исцеление. Зачем тогда было вытеснять? Сказанное не умаляет несомненных заслуг З. Фрейда в многочисленных открытиях. Однако подчеркивает шаткость выбранных им оснований. Отсюда и терминологическая путаница. Бессознательное – это что-то похожее на сознание, но не сознание вовсе. А определять, что такое сознание, по Фрейду, вообще не нужно: мол, каждый и так знает, что это такое.

Не удивительно, что возникает бихевиоризм, призывающий вообще не решать онтологическую проблему. Психика и сознание не подлежат ни измерению, ни наблюдению, а потому не является научным термином, и о них не стоит говорить.

Изучать нужно только то, что можно наблюдать: поведение, физиологические реакции. Сознание начинает трактоваться как эпифеномен, как побочный продукт мозга, не играющий никакой роли и ни на что не влияющий. Такая позиция противоречит принятому в науке утверждению, доказавшему всей историей свою эвристичность: «в природе нет ничего лишнего, бесполезного» (Н. Коперник), «природа ничего не делает понапрасну» (И. Ньютон). Если сознание возникло, то оно должно выполнять какую-то важную функцию. Одно и то же наблюдаемое поведение может иметь совершенно разное значение для самих действу-

ющих лиц. Но бихевиоризм не задумывается над этим. Устранив сознание, он строит несколько странную и отчасти нелепую психологию, лишенную и психики, и сознания. В связи с этим Джордж Миллер отмечал, что бихевиоризм был «захватывающей авантюрой» для экспериментальной психологии, но к середине 1950-х стало очевидно, по мнению ученого, что он нежизнеспособен.

В общем, куда ни кинь, всюду клин. Однако не надо считать, что раз всё так сложно, то онтологическую проблему и решать не надо. Наоборот, ее необходимо решать, иначе хорошей психологической теории не построить.

1.2. Гносеологическая проблема, или проблема адекватности знания

Все мы живем в реальном мире, в котором движемся и совершаем поступки. Этот мир нам известен лишь благодаря тому, что он представлен в нашем сознании. Но как оценить, верны ли наши представления? Прямо сопоставить осознанные представления о мире с реальным миром невозможно, так как последний дан нам только в виде осознанных представлений. Как можно узнать, каковы вещи на самом деле, если мы знаем о них только то, что известно нашему сознанию? Ведь даже о существовании вещей мы знаем лишь благодаря сознанию. Как нельзя решить, видят только нарисованный портрет человека, похож этот портрет на оригинал или нет, так и нельзя сличать то, что есть в сознании, с тем, чего в сознании нет.

Поясним проблему на примере. Каждый человек имеет представление о самом себе. Как проверить, правильно ли его представление? Сличить это представление с самим собой? Но человек ведь осознает только свои мысли о себе, а не себя самого как такового. С чем же сравнивать? Можно, конечно, опрашивать других людей и сравнивать собственные мысли с их ответами. Если человек сам до конца не знает самого себя, то весьма сомнительно, что другие люди знают его лучше. Вряд ли они помогут ему понять, действительно ли у него болит зуб или действительно ли он влюблен. К

тому же и другие люди тоже знают не то, каков человек на самом деле, а лишь свои представления о нем.

Как субъект вообще может осознанно познать хоть какой-нибудь предмет? У. Джеймс утверждает, что этот вопрос признан самым неразрешимым из всех философских головоломок. И добавляет: «правда, признан не совсем искренне, ибо никто никогда всерьез не сомневается в том, что познание все же как-то совершается». Это важное добавление. Люди обычно достаточно точно воспринимают окружающее. Но в том и вопрос: как найти этому логичное объяснение?

Версия решения первая – наивный реализм (соответствует здравому смыслу, принята, например, в экологической психологии Дж. Гибсона). Все мы верим, что в целом более-менее правильно воспринимаем окружающий мир. Я смотрю на стул в комнате, и мне даже не приходит в голову сомневаться в том, что это стул. Врожденные механизмы познания работают так, чтобы заведомо быть адекватны познаваемому. Тогда вообще нет проблемы. Незачем проверять представления и сличать их с реальностью. Содержание сознания, уверяют нас наивные реалисты, непосредственно отражает реальность. Даже С.Л. Рубинштейн, отнюдь не являвшийся наивным реалистом, писал, что мы видим солнце таким, как мы его видим, есть объективный факт, закономерно обусловленный объективными размерами солнца и законами работы зрительного анализатора.

На вопрос «Почему мы видим вещи такими, какие они есть?» Дж. Гибсон отвечал: «Потому что они такие, какие есть». Однако возникает проблема. Как быть, например, с тем, что человеку свойственно заблуждаться? «Если я ошибаюсь, я существую» – говаривал еще Августин.

Человек может забывать, не замечать очевидное, ошибаться при решении самых простых задач и т.п. Пример ошибки – каппа-эффект: испытуемый должен определить продолжительность временного интервала между загоранием двух лампочек, одна обозначает

начало интервала, а вторая – его конец. Чем больше расстояние между лампочками, тем один и тот же временной интервал кажется продолжительнее.

Будущий Нобелевский лауреат Г. Саймон в раннем возрасте с удивлением узнал, что он дальтоник, и понял, что внешний мир не то же самое, что воспринимаемый мир. Мы видим не совсем то, что видит глаз. Например, поступающее на сетчатку глаза изображение по законам оптики повернуто на 180 градусов. Однако мы не видим небо внизу, а землю вверх. Ребенок уже через месяц после рождения преобразует изображение в нормальное. Дж. Стрэттон создал в 1896 г. специальные очки, переворачивающие это уже перевернутое изображение. Стрэттон неделю подряд носил эти очки, это было трудное испытание. Однако уже спустя три дня его зрительная система приспособилась к инвертированному миру, мир встал на свое место.

Наблюдение антрополога К. Тернбулла показывает, какие трюки проделывают с нами ошибки. Однажды он вез в машине пигмея, проживавшего в густых тропических лесах Экваториальной Африки. Впервые в жизни пигмей оказался на открытой равнине. Вдалеке паслось стадо буйволов. Пигмей спросил К. Тернбулла: что это за насекомые? К. Тернбулл ответил: это буйволы, которые в два раза больше лесных буйволов. Пигмей громко рассмеялся и попросил не говорить таких глупостей. Он предположил, что это какие-то жуки или муравьи. И долго об этом рассуждал.

Машина приближалась к стаду. Пигмей наблюдал, как буйволы становились все больше и больше. Он испугался, бормоча, что все это колдовство. Итак, антрополог, знакомый по опыту с перспективой, наблюдая издали стадо буйволов, правильно опознает животных, тем самым ошибается относительно их размеров на сетчатке глаза. Пигмей правильно воспринимает размеры на сетчатке, но ошибается как в опознании, принимая буйволов за муравьев, так и в интерпретации, утверждая, что это колдовство.

Физики нам разъяснили, что гром мы слышим с некоторым запаздыванием после вспышки молнии, хотя на самом деле они одновременны. Солнце заходит за горизонт на 8 минут раньше, чем нам кажется (а нам так кажется потому, что свет от солнца еще 8 минут продолжает идти после реального захода) и т.д. Б. Рассел, обсуждая подобные примеры, приводит позицию наивного реализма к логическому противоречию. Он пишет, что физики начали с наивного реализма, т.е. с веры в то, что внешние объекты являются в точности такими, какими мы их видим. На основе этого допущения они развили теорию, согласно которой материя представляет собой нечто совершенно непохожее на то, что мы воспринимаем. В результате получилось, что их заключение вступило в противоречие с их предпосылкой. Отсюда Б. Рассел делает вывод, что «если наивный реализм истинен, то он ложен».

Многие психологи утверждают, что человек строит картину мира в целом, а построенная ими картина всегда наполнена смыслами. Однако смысл в чувственном восприятии не содержится. Впрочем, наивных реалистов это не пугает. Сознание в рассматриваемой версии вообще не рассматривается, поскольку принимается, что оно не влияет на результат познания. Таким образом, в паре «сознание – мир», по сути, отбрасывается сознание. Хоть версия, тем самым, заведомо обедняет психологическую теорию, она очень удобна, ибо позволяет не замечать множества проблем. Психологи часто, даже не отдавая себе в этом отчет, опираются на нее в конкретных исследованиях.

Версия вторая – солипсизм. В отличие от предыдущей эта версия откровенно противостоит здравому смыслу. В паре «сознание – мир» отбрасывается вторая сторона – мир. Мол, мне известно только мое индивидуальное сознание, ничего другого я не знаю. Поэтому единственное достоверное знание – это знание о содержании моего собственного сознания. Проверять знание, данное сознанию, бессмысленно просто потому, что оно заведомо достоверно, ведь именно оно находится в моем сознании. А то, что я принимаю за реальный мир

– это всего лишь конструкция моего сознания, плод моего воображения.

В своем чистом виде солипсизм психологами серьезно не воспринимается, хотя и влияет на некоторые их построения. Конструктивисты считают, что люди не приобретают знания, а сами их конструируют. Если забыть о том, что построенные конструкции должны проверяться, то этот подход приближается к позиции солипсизма. Тогда природа находится только в конструкциях построившего эти конструкции человека. Нет человека – нет и природы. Правда, неясно, откуда сам человек взялся?

Философы-солипсисты иногда удивляются: почему другими философами солипсизм не принимается, ведь это безупречное логическое построение, его невозможно опровергнуть. И не замечают, что само их удивление противоречит их же позиции. Поскольку другие философы, как и всё остальное, существуют только в их воображении, то удивляться они должны были бы тому, зачем сами придумали таких философов.

Солипсизм часто воспринимается как логический изыск, вряд ли хоть кем-нибудь принимаемый в обычной жизни. Промокнув под дождем, вряд ли кто-нибудь ругает себя за то, что он зачем-то этот дождь вообразил. Впрочем, в солипсизме есть своя правда. Именно субъективные переживания остаются для нас самой очевидной вещью на свете. Мы не примем ни одно утверждение до тех пор, пока оно не станет для нас очевидным. Даже представители так называемых строгих наук признают, что «очевидность остается последним источником истины и познания» (Г. Вейль).

Версия третья – плюрализм (методологический анархизм, постмодернизм и иже с ними). Эта версия признает и существование мира, и существование сознания, но под разными предлогами считает, что установление соответствия между представлениями сознания и внешним миром принципиально невозможно, а потому бессмысленно решать проблему и пытаться искать соответствия. Правда, это приводит к печальному выводу: истины как соответствия нашего знания реальности не существует.

Пишет, например, В.Ф. Петренко: «Понятие истины утратило значимость, устарело». Ему вторит философ Ю.М. Шилков: «Классическая характеристика истины как соответствия (адекватности) знания действительности все больше становится анахронизмом». Если нет истины, то все теории – сказки.

Самый известный «методологический анархист» П. Фейерабенд полагает, что познание – это некий «океан несовместимых альтернатив», в котором «каждая отдельная теория, сказка или миф являются частями одной совокупности...». По его мнению, и специалисты, и неспециалисты, профессионалы и любители, поборники истины и лжецы – все вносят свой вклад в развитие сознания, все участвуют в некоем соревновании и обогащают культуру. Странно, что П. Фейерабенд в список людей, обогащающих культуру, не добавил младенцев и сумасшедших.

Психолог, основатель «интегративной психологии» В.В. Козлов также требует «полного равенства всех школ и их представителей». И тоже якобы не различает мнение профессоров, студентов, да, пожалуй, и вообще всех людей, едва знакомых с названием какой-либо научной школы. Все же позицию Козлова отчасти можно понять. На практике психотерапевты используют разные техники, связанные с разными теоретическими конструкциями. Их интересует не истинность того или иного подхода, а эффективность оказания помощи клиенту. Чем больше техник он умеет использовать, даже если эти техники опираются на несовместимые теории, тем психотерапия может быть эффективнее. А это шаг к плюрализму.

Конечно, все люди видят мир по-разному. Если клиент при этом своем видении мира страдает, то психотерапевт может ему помочь попробовать увидеть мир иначе. А для взаимодействия с клиентом он вначале должен принять его право и возможность видеть мир таким, каким он его видит. И это, разумеется, тоже шаг к плюрализму. К тому же для сохранения при этом своего психического здоровья психотерапевт должен рассматривать не только взгляд клиента на мир, но и свой собственный

взгляд всего лишь как разные возможные варианты, т.е. в соответствии с напутствием создателя «индивидуальной психологии» А. Адлера, рассматривать свои собственные убеждения как вымыслы или как фантазии.

Однако плюрализм в науке вызывает большие сомнения. Во-первых, логические. Утверждение «истина не существует» не является истиной, раз истина не существует. Чем же тогда это утверждение является? Во-вторых, такой подход, доведенный до естественного предела, не позволяет проводить исследования. Раз истины нет и установить соответствие наших представлений реальности принципиально невозможно, то как я могу узнать, например, что те данные, которые я получил в эксперименте, соответствуют тем данным, которые действительно были мной получены? Наконец, отказ от истины означает признание, что прогресса науки не существует, что человечество не продвигается на пути познания действительности. Но разве это так?

Мы отбросили как нелепые многие важные для античности идеи. Вряд ли сегодня кто-нибудь всерьез полагает, что небесный, морской и подземный миры живут по своим самостоятельным законам, независимо друг от друга устанавливаемым Зевсом, Посейдоном и Аидом. Разве уже это не прогресс науки? Без открытий в науке не было бы и большинства технических достижений: ни электричества, ни самолетов, ни компьютеров. Может, в гуманитарной науке нет прогресса? Однако открытия в лингвистике, психологии, даже в искусствоведении, о которых наши древние предки не имели ни малейшего представления, разве не отражают научный прогресс?

Ситуация, когда теории оказываются противоречащими друг другу, возможна в любой науке. Однако это не плюрализм. Существует, например, множество интерпретаций квантовой механики: копенгагенская интерпретация, у истоков которой стоят Н. Бор, М. Борн, В. Гейзенберг, многомировая интерпретация Х. Эверетта, теория де Бройля – Бома и др. Каждая из них наполняет один и тот же математический формализм квантовой механики принципиаль-

но разным физическим содержанием. Физики осознают противоречивость разных интерпретаций, но верят, что, в конце концов, будет доказана правота единственно верной интерпретации. В результате опроса семидесяти двух ведущих физиков-теоретиков 58% согласились с истинностью многомировой интерпретации. Среди них – лауреаты Нобелевской премии М. Гелл-Манн и Р. Фейнман. А лауреат Нобелевской премии Р. Пенроуз не принимает эту интерпретацию как истинную. Физики, таким образом, не принимают все интерпретации одновременно, а надеются, что истинна только какая-то одна. Просто пока не доказано, какая именно.

Плюрализм опасен для любой науки, а для такой молодой науки, как психология, – вдвойне. Ведь если истины нет, то психологических теорий может быть сколько угодно, поскольку все они – сказки. Такая позиция снижает ценность психологического знания, превращает знание в мнение. А потому, что бы ни сказал один психолог (например, о вреде рекламы на телевидении), всегда найдется другой, который столь же аргументированно выскажет противоположную точку зрения (хоть о пользе рекламы).

Приняв плюрализм, мы одновременно признаем, что единой теории психического в принципе не может существовать. А потому единую теорию и не надо пытаться построить.

Версия четвертая – проверка знания знанием. Единственное, что я могу сличать между собой – это представления, данные сознанию. Однако если сознание влияет на все представления, то оно будет влиять на оба сравниваемых результата. Тогда представления оказываются зависимыми друг от друга и не могут друг друга проверять. Действительно, часто это так.

До Коперника астрономы на Западе, в соответствии с теорией К. Птолемея, не видели изменений в считавшихся неизменными небесных явлениях – ни солнечных пятен, ни новых траекторий комет, не открывали они и новых звезд. Впервые они увидели изменения в небе только после работ Н. Коперника, т. е. после возникновения нового взгляда на устройство

мира. Галилей построил телескоп и увидел четыре спутника Юпитера. Он показывал их всем желающим, а те были уверены, что у Юпитера спутников нет, и не может быть никогда. Они уверенно говорили – это никакие не спутники, это просто ваш телескоп неправильно работает.

И. Кант признавал: «разум видит только то, что сам создает по собственному плану». Многие психологи (У. Джеймс, Р. Грегори и др.) утверждали: то, что мы осознаем, всегда зависит от уже имеющегося содержания нашего сознания, мы воспринимаем только то, что понимаем, мир в нашем восприятии искажается до узнаваемости.

Вера в свои представления может творить чудеса. Р. Кохнашел бациллу – возбудителя холеры. Его оппонент – основоположник экспериментальной гигиены Макс фон Петтенкофер – заявил, что холера является следствием вредных гигиенических условий, а бацилла Коха ни при чем. В доказательство того, что Кох ошибается, Петтенкофер на глазах изумленных врачей выпил целую пробирку с холерными бактериями. Без каких-либо вредных последствий для своего здоровья. Доказал? Однако победа над холерой все-таки была достигнута благодаря открытию Коха.

Психологи в многочисленных экспериментах обнаружили, что могут связываться самые неожиданные представления. Так, в разных студенческих группах один и тот же человек был представлен или как лаборант, или как профессор. Оказалось, что профессор (человек с высоким социальным статусом) казался студентам более высоким по росту, чем тот же самый человек, представленный как лаборант. Тем самым даже физический рост и социальный статус в сознании большинства студентов зависят друг от друга.

Как же тогда сличение представлений может помочь в определении истинности нашего знания? И. Кант нашел решение. Есть два основных ствола человеческого познания – чувственность (сенсорика) и рассудок. Чувственные представления и рассудочные конструкции дают сознанию, утверждал он, представления совершенно разных типов. А поэтому именно

из их соединения может возникнуть знание. В середине XX в. его последователь Н. Гартман утверждал, что это становится возможным в силу того, что оба эти элемента познания отнесены к одному и тому же полю предметов. То есть они дают содержательно разнородные свидетельства о предмете, но знание формируют лишь вместе.

Таким образом, если представления об одном и том же объекте получены принципиально разными, не зависимыми друг от друга способами, то в случае их совпадения можно предполагать нечто реально общее, что есть у этих представлений. И есть надежда, что таким общим может быть как раз тот объект, который одновременно представлен в сознании этими двумя разными способами. Идея перспективная, хотя она не слишком вдохновила психологов. Наверное, потому, что сами эти разные пути познания не были прописаны достаточно ясно. Это скорее идея решения, а не само решение.

Предложенный И. Кантом путь попытался конкретизировать К. Маркс. Наши действия, справедливо заметил он, имеют двуединую природу: с одной стороны, мы действуем, исходя из наших субъективных представлений о мире, но с другой – наши действия происходят в реальном мире. Добиться желаемого результата, решить какую-либо практическую задачу мы сможем только тогда, когда наши субъективные представления соответствуют реальному миру с точностью, достаточной для решения поставленных задач. Если запланированный результат достигнут, то это подтверждает наши субъективные представления. Практика, тем самым, объявляется критерием истинности.

Это вполне рабочая идея, в жизни и в науке мы часто на нее опираемся. Однако она требует логического оправдания. Мы можем действовать, исходя из любых представлений, а в результате может неожиданно решиться какая-то практическая задача. В первобытные времена женщины, чтобы забеременеть, несколько раз ходили вокруг определенного дерева, произнося необходимые заклинания. И иногда после этого (но все-таки не вследствие этого) насту-

пала желательная беременность. Если ожидается, что в засуху дождь пойдет после определенных заклинаний, то рано или поздно это подтвердится, дождь после заклинаний пойдет! Вряд ли, тем не менее, правомерно считать, что именно заклинания его вызвали.

Люди многое умеют делать, зачастую представления не имея, почему достигается желаемый ими практический эффект. Достигнув желаемого результата, мы стараемся повторять наши действия, толком не понимая, что именно обеспечило успех.

Если практическая технология приводит к желаемому, от нее не отказываются, как бы ложно ни было ее теоретическое обоснование. Здания обычно проектируют из заведомо ложного предположения, что Земля плоская. Если практический эффект может достигаться не за счет правильности наших представлений, то опасно считать всегда истинными наши проверенные на практике предположения.

Основатель физиогномики И. Лафатер по лицу определял характер и судьбу человека. Об эффективности его прогнозов ходили легенды. Однажды некая дама из Парижа привезла к нему свою дочь. Взглянув на девочку, И. Лафатер пришел в сильное волнение и отказался говорить. Дама умоляла. Тогда он написал что-то, вложил в конверт и взял с дамы клятву распечатать его не раньше, чем через полгода. За это время девочка умерла. Мать вскрыла конверт. Там была записка: «Скорблю вместе с вами» ... И. Лафатер написал книгу по физиогномике. Эту книгу иллюстрировал сам Гёте. Но сегодня, несмотря на все чудеса, показанные И. Лафатером, никто не воспринимает этот труд как руководство к действию. И. Лафатер был, наверное, эффективен, тем не менее его субъективные представления о причинах своей эффективности были ложны.

В психотерапии признается, что «все методы хороши, даже самые фантастические, если пациент в них верит» (принцип Д. Мейхенбаума). Аналогичные формулировки встречаются и в психиатрии, и в социологии: «Все психиатрические методы «лечения» хороши для тех, кто в них верит» (Т. Сас). «Если ситуа-

ции определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям» (У. Томас).

Применяемые психотерапевтические техники могут быть эффективны без всякого обоснования. Эффективность психотерапевтических воздействий далеко не всегда подтверждает истинность положенных в их основание представлений. Поэтому будущих психотерапевтов надо обучать не тем технологиям, которые иногда могут быть эффективны (ибо тогда их следует учить и астрологии, и шаманству, и процедуре изгнания бесов, и прочим заведомо ненаучным техникам), а только таким, которые при этом не могут навредить. Правда, чтобы предсказывать возможные последствия практических воздействий желательно иметь хорошую теорию. Так, мосты строили задолго до того, как появилась строительная механика. Но надежно предсказать последствия, например какую нагрузку мост сможет выдержать, без этой теории не удастся.

Основатели нейролингвистического программирования (эта техника также обычно считается ненаучной) не лукавили, объясняя ученикам на семинаре: «Все, что мы собираемся вам здесь сказать, – это ложь. Поскольку у нас нет требований к истинности и точности, на этом семинаре мы постоянно будем вам лгать... Однако если вы будете действовать так, как будто наши утверждения действительно истинны, то убедитесь, что они работают» (Д. Гриндер, Р. Бендлер).

К тому же результат практической деятельности не дан сознанию непосредственно. Сравнение ожидаемого результата практической деятельности с реально достигнутым невозможно. Сравнить можно только с субъективным образом достигнутого результата. А ведь люди обычно воспринимают то, что ожидают, в чем они убеждены. К. Ясперс приводит такой пример. Если больной смотрит на свою галлюцинацию в бинокль – она кажется ему приближающейся. Если он перевернет бинокль – галлюцинация удаляется. Такое практическое подтверждение отнюдь не доказывает, что он видит нечто реальное.

В XVII и XVIII вв. главным способом лечения всех болезней считалась терапия кровопускания и очищения организма. Так лечили, например, короля Людовика XIII: только за один год врач прописал ему 215 рвотных лекарств, 22 клистиров и 47 раз пускал кровь. От рождения болезненный король умер сорока двух лет от роду. Врач был уверен, что своими действиями продлил ему жизнь. Современные медики склонны считать, что он его угробил. Гомеопаты уверяют в эффективности своих методов лечения, миллионы людей используют и иногда не без успеха гомеопатические средства. Однако большинство ученых-медиков объявляет их деятельность шарлатанством.

В науке полученные опытные данные, подтверждающие проверяемую гипотезу, еще не доказывают истинность этой гипотезы. Даже высокая статистическая достоверность результатов исследования дает право лишь не отбрасывать гипотезу, но не доказывает ее. Более того, всегда существует возможность интерпретировать подтверждающие данные как опровергающие или, при желании, наоборот – опровергающие превратить в подтверждающие. Правда, как заметил Дж. Агасси, «это требует немало усилий». Г. Глейтман, А. Фридлунд, Д. Райсберг констатируют: иногда гипотезы подтверждаются огромным количеством данных, но когда появляются новые факты, она вновь ставится под сомнение; ученые никогда не говорят, что гипотеза доказана; это утверждение некорректно.

Таким образом, практика не может являться окончательным критерием истины. Марксизм поэтому добавляет: не просто практика, а проверенная общественная практика во всем историческом развитии. Это многократно повторяют последователи Маркса. Однако при таком понимании критерий практики размывается и вряд ли применим к сегодняшним представлениям и научным теориям. Мы же не можем знать, что будет подтверждено на практике через пятьсот лет.

Независимую проверку знания знанием утверждает физиолог Н.А. Бернштейн, говоря о «перекрестной выверке показаний сенсорных

синтезов», т.е. о проверке знания, полученной в одной модальности, результатами, полученными в другой модальности. Зрением иногда можно проверять слуховые впечатления, и наоборот. Однако сами сенсорные впечатления от одной модальности всё-таки могут зависеть от другой модальности, поскольку существует межмодальное взаимодействие. Известен, например, феномен зрительного плена: если зрительная информация об объекте за счет оптических приборов, искажающих изображение, противоречит осязательной, то человек на ощупь воспринимает форму и размер объекта

такими, какими он их видит, а не такими, какими они воспринимаются его пальцами.

Гносеологическая проблема в итоге многими рассматривается как до сих пор не имеющая решения. Она обрела статус «Великой Тайны» или, как говорил А. Шопенгауэр, «Загвоздки Вселенной».

Продолжение следует...